

Необходимая жестокость

Автор:

[Шимун Врочек](#)

Необходимая жестокость

Шимун Врочек

Рассказ из авторского сборника «Сержанту никто не звонит», 2006 г.

Шимун Врочек

Необходимая жестокость

Дело лежало перед ним в тонкой папке жёлтого картона.

Он на мгновение задержал на нем рассеянный взгляд, встал, отодвинув стул из сыплющегося от старости дерева, подошёл к окну. Шёл мелкий, противный как чесотка, дождик. Пасмурное утро почти без перехода сменилось таким же серым днём, а дождь всё шёл.

Он простоял так очень долго, изредка меняя позу, когда затекали ноги, курил, когда хотелось курить – белый подоконник заполнили мятые окурки и жёлтые следы затушенных о поверхность подоконника папирос. Всё это время он смотрел, не отрываясь, в окно. Он сам не знал, чего ждёт. Почему-то казалось самым важным не пропустить это, не отвести взгляд, а заметить, разглядеть и может быть даже... Что он должен сделать, он не знал, но надеялся узнать.

А за окном приезжали и уезжали чёрные машины – фургоны с решётками на окнах и без всяких обозначений. Иногда люди в зелёной форме с малиновыми петлицами выводили только одного человека, но такое случалось редко. Чаще

людей было много больше, даже странно, как они все помещались в одной машине. Некоторые из них шли, гордо держа голову, и даже конвоиры сторонились их. Но таких было мало. Меньше даже, чем машин, привозящих по одному человеку. Остальные... Растерянные, с пустыми глазами, они пытались что-то доказывать охранникам с малиновыми петлицами, порой кричали, требовали... Этот двор назывался «чёрным», высшие чины армии и госаппарата подвозились к «белому» входу... Вот только дальнейшая судьба у них была одна. Расстрел или трудовой лагерь. Другого – не дано по определению.

Он ждал. Папиросы давно кончились, теперь он, боясь отойти от окна, докуривал бычки. Горький вязкий дым лез в горло, вызывая сухой кашель. Огонь обжигал пальцы. За окном всё так же шёл дождь, бухали в лужицах сапоги и ботинки, звучали команды и нервные голоса арестованных. Порою раздражающе взывали клаксоны автомобилей, напоминая плач ребёнка. При этом звуке он едва заметно морщился. Он не любил плачущих детей. Он вообще не любил детей. Чужих, по крайней мере. Своих у него не было, семейная жизнь вообще не задалась, жена называла его садистом и убийцей, кричала, чтобы он не смел дотрагиваться до неё грязными руками – и, дорогой, смой кровь с сапог! – на ладонях у тебя красные пятна. Он оставался в управлении на ночь, работал и спал в том же кабинете, не снимая мундира. Иногда ловил себя на том, что через каждые полчаса моет руки, до боли отскрёбывая жёсткие ладони, все в мозолях от пистолетной рукоятки. На носках хороших кожаных сапог ему стали мерещиться следы крови. А потом она покончила жизнь самоубийством, повесилась на бельевой верёвке в комнате, которая служила им с женой столовой. Сняла хрустальную люстру, на потолочный крюк набросила петлю, другую петлю надела себе на шею.

Нашла бездыханное тело домработница, пришедшая наутро убирать квартиру. Жена не была «опытной» самоубийцей, не готовила это заранее, потому и выбрала для себя самую жуткую форму смерти. Верёвка была короткой и толстой, петля не сломала ей шею, как случилось бы в случае длинной верёвки и достаточной высоты, а медленно, очень медленно сдавила горло.

Он не хотел ехать на опознание тела. Коллега из уголовного отдела, с которым он когда-то вместе работал, согласился, что это, конечно, нарушение, но если он подпишет протокол опознания, то можно обойтись и простой формальностью. Он подписал. А потом просыпался посреди ночи в холодном поту, ожидая, что дверь откроется, и войдёт она, с обрывком верёвки на чёрной шее, с распухшим лицом и языком, вытолкнутым из безобразно распахнутого рта давлением умирающей

крови. Но вот глаза её будут не чёрные, вылезшие из глазниц, как положено удавленнице, а чистые, прозрачные, цвета василька на пшеничном поле. Живые глаза. Почему ты не пришёл тогда? – будет в этих глазах немой вопрос, ведь я ещё была жива, меня похоронили живой... Тебе было некогда, скажет она. Ты в это время мыл руки над жестяной раковиной, такой же, как в кабинете хирурга, тщательно намыливал их куском детского мыла, ведь у тебя такая нежная кожа, она становится сухой и ломкой от обычного мыла... А потом под струёй горячей воды смывал кровавую пену. Хватит, замолчи, закричит он, и, выхватив из-под подушки именной «Берг», станет стрелять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vrochek_shimun/neobhodimaya-zhestokost

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)